

День печати. Это не только праздник журналистов, работников издательств, типографий. Это и праздник читателей — тех, кто питает страницы газет и журналов новыми идеями, мыслями, советами, предложениями. Сегодня мы публикуем материалы, подготовленные по заявкам, просьбам, советам наших читателей, и письма самих читателей — самых уважаемых и любимых авторов.

Сов. Рокетт, 1982, 5 мая

Гневная и добрая камера Кармена

В советской публицистике имя кинодокументалиста Романа Кармена в течение долгих десятилетий было связано с самыми яркими страницами. Его камера снимала в Испании, на фронтах Великой Отечественной, во Вьетнаме, на острове Свободы — Кубе, на пылающем континенте — в Африке. Он запечатлел на пленку выдающихся сынов и дочерей XX века, его живые легенды: Георгия Димитрова и Хо Ши Мина, Долорес Ибаррури и Фиделя Кастро, Пабло Неруду и Луиса Корвалана, Мате Залку и Эрнеста Хемингуэя, Михаила Кольцова и Сальвадора Альенде, Давида Сикейросы и Александра Фадеева, маршала Георгия Константиновича Жукова и летчика-испытателя Марка Галлая, Константина Сергеевича Станиславского и Кукрыниксов, маршала Константина Константиновича Рокоссовского и Всеволода Вишневского, Отто Юльевича Шмидта...

Однажды мне довелось принимать участие в беседе кинопублицистов, которые пытались уточнить для себя: из чего, собственно, складывается явление карменовского творчества? Наверное, прежде всего Кармен — «искра божья» и мастерство, работоспособность и организованность, но еще и прозрачность. Его кинокамера не просто отображала, даже не только художнически преображала. Она сражалась. И продолжает сражаться. За свободную и счастливую человеческую жизнь, делая это мужественно, честно, решительно и благородно.

Есть судьбы, через которые с особенной полнотой выражает себя эпоха. Феномен мог иметь иные личностные черты и другое имя. Но все равно это был бы тот самый феномен документальной ленинской кинопублицистики.

Если мы победим, то победим правдой, говорил Владимир

Ильич Ленин. И кинопублицистика Романа Кармена отвечает этому ленинскому завету. Она убеждает и побеждает именно правдой. Всю свою жизнь Роман Кармен делал каждодневное дело публициста: писал летопись нашего XX века, помогая своими фильмами утверждению нового мира и нового человека.

Мы много и справедливо пишем о принципиальном, основополагающем вкладе в советскую и мировую кинодокументалистику Дзига Вертова. Не менее значительный творческий вклад внес в нее Роман Кармен. Внес — развивая и приумножая наследие Вертова в иных исторических условиях, на новом этапе становления нашей революции и нашего общества, всего человечества, наконец. Как и Дзига Вертов, Роман Кармен оказался созвучен эпохе наиболее значительными компонентами своего творчества. Как и Дзига Вертов, он успешно умел сочетать пластику реальности и сложную технику экрана, умел документальный факт сделать не только предметом искусства, но и фактом искусства.

Киноглаз Кармена, сохраняя вертовскую зоркость, честность, правдивость, достоверность, достоверность, образность, приобрел и некие добавочные ценности качества. Он научился в большей степени быть не только исследователем и художником, но и бойцом, не только микроскопом и телескопом, но и боевым оружием, приближаясь в этом смысле к художническому кредо Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Вместе с тем, овладев глобальностью, охватывая разом народы и континенты, муза Кармена отнюдь не потеряла своей лиричности, проникновенности, искренней доверительности и трогательной душевности, ненаигранной, непоказной человечности. Ей были одинаково до-

ступны и звезды над нами, и нравственный закон внутри нас, судьбы человеческие и судьбы народные, тонкие душевные движения одной личности и массовые народные выступления, имеющие эпохальное значение.

Роман Кармен, сам прошедший с кинокамерой в руках через четыре войны — в Испании, в Китае, во Вьетнаме, с фашистскими оккупантами на родной земле — наиболее ярко и наиболее полно выразил себя, свое идейно-художественное кредо в знаменитой киноопере «Великая Отечественная», в произведении, которому суждено было стать явлением мировой кинодокументалистики.

В сущности сегодня уже есть основания говорить не просто о творчестве многочисленных сподвижников и учеников Романа Кармена, продолжателей его дела, но и о некоем карменовском периоде в нашей кинопублицистике. Что сейчас происходит? Видимо, идет процесс, концентрирующий, фокусирующий лучшее, наиболее ценные черты творчества Кармена не как музейную реликвию, а как эстафетно передаваемый метод, у которого — живое и плодотворное будущее.

Ныне не вызывает сомнений, что после «Великой Отечественной» нельзя уже делать документальные фильмы так, как до нее. Это подтверждает и новая многосерийная лента «Всего дороже». В своем обращении к зрителям этой кинооперы Леонид Ильич Брежнев сказал знаменательные слова: «...Надо, чтобы все советские люди, особенно молодое поколение, хорошо знали и помнили о бессмертном подвиге послевоенного возрождения страны».

И кинодокументы рассказывают об этом всего правдивее, всего убедительнее».

Значение этой оценки труда

кинопублицистов поистине велико. Но высока и ответственность, которая связана с такой оценкой.

Я иногда думаю: где и что снимал бы сегодня Роман Кармен, будь он жив? Где оказался бы он, оставаясь верен самому себе, своей музе кинопублициста? На юге Африки, в Намибии, где расизм пытается кровью залить пламя национально-освободительной борьбы? Или в Афганистане, где так остро и резко столкнулись прогресс и реакция? Или в Ольстере, в гуще смертоносных уличных протестов, под воротами, а то и в самой печально известной тюрьме Лонг Кеш, чудом добившись права снимать голодающих политических узников? Или, быть может, в Ливане, в лагерях палестинских беженцев? Может быть, он поставил бы кинокамеру на лужайке перед Белым домом в Вашингтоне, наблюдая, как участники очередного Марша мира тишью ждут, что президент выйдет к ним, чтобы поговорить о будущем...

Не исключено, что он мог бы оказаться и у нефтяников Каспия, продолжающих свой каждодневный подвиг, и у строителей БАМа, у первопроходцев Тюмени, у зимовщиков Антарктиды. Или, невзирая на возраст, стал бы первым кинооператором, подымавшимся в космос...

Зная, что такое документальное кино, с каким чудовищным напряжением делается здесь буквально любой кадр (потому что оператор всегда отправляется добывать не слабый, а яркий кадр, к этому готовится), диву даешься, никак не можешь постигнуть, каким образом удалось Роману Кармену снять за свою жизнь все то, что он снял? И как снять!

Владлен КУЗНЕЦОВ,
кинодраматург.